Александр Князев
Огни Вальмера

Александр Князев
Огни Вальмера

https://litres.ru/73978733
SelfPub; 2026

Аннотация

Каспар Воль — бывший полицейский, теперь наёмный охотник за теми, кого закон уже не достанет. Его задача — перехватить в море человека, укравшего у клиента крупную сумму четыре месяца назад и планирующего новый удар в Вальмере.

Этот человек — Адриан Корса. Восемь лет он живёт под чужими именами и чужим доверием, и ни разу не пожалел об этом.

Мира возвращается в Вальмер с родителями впервые после смерти младшего брата. В терминале она роняет его книгу с карандашными пометками, и Адриан поднимает её.

Четыре дня на лайнере «Аделаида»: ночной бар, библиотека, верхняя палуба и огни далёких портов.

Роман о дороге, о случайных встречах, которые перестают быть случайными, и о высокой цене правды, сказанной впервые не под давлением, а потому что иначе уже невозможно.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	60
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Огни Вальмера

Глава

роман

Моей жене.
С любовью.

Глава 1

Дождь в Селесте всегда начинался одинаково — сначала ветер с моря менял запах, потом темнели плиты на тротуарах, и только потом приходила вода. Каспар Воль успел дойти от стоянки до подъезда сухим. У него была эта странная городская привычка — угадывать дождь за пять минут.

Лифт в здании на улице Армарин поднимался медленно, со скрипом, который никто не чинил уже лет десять. На седьмом этаже Воль вышел, провёл ладонью по седеющему виску, поправил воротник пиджака — без зеркала, по памяти. Дверь в кабинет открыла секретарша, молодая женщина с уставшими глазами и слишком яркой помадой.

— Господин Делмар вас ждёт.

Воль кивнул и вошёл.

Кабинет был не таким, каким его представляют в фильмах про богатых людей. Ни тёмного дерева, ни кожаных кресел — просто большая светлая комната с окном во всю стену, выходящим на порт. Внизу копошились крошечные краны, по воде ползли крошечные суда. Делмар стоял у окна спиной к двери и глядел вниз. Невысокий, плотный, в рубашке без галстука. Левая рука у него подрагивала — еле заметно, но Воль это сразу зафиксировал. Профессиональная привычка.

— Садитесь, — сказал Делмар, не оборачиваясь.

Воль сел.

Молчание длилось дольше, чем полагалось. Делмар наконец отошёл от окна, тяжело опустился в кресло напротив и положил перед Волем папку — тонкую, зелёную, без единой надписи.

— Здесь всё, что у меня есть.

Воль открыл. Несколько листов: распечатки переводов, копия договора с печатью, которой не существует, фотография мужчины — снятая сбоку, в кафе, лицо нечёткое.

— Сколько? — спросил Воль, не поднимая головы.

— Сколько чего?

— Сколько он у вас взял.

Делмар назвал сумму. Воль не моргнул. Перевернул лист, посмотрел на фотографию ещё раз. Мужчина на снимке был в светлом пальто и тёмных очках, держал в руке телефон. Что-то в его осанке Волю не понравилось. Не страх, не напряжение — наоборот. Слишком расслабленные плечи. Так держатся люди, которые знают, что им ничего не будет.

— Имя?

— Имён у него несколько. В договоре он подписался как Эрик Альтан. В переписке — Адриан. Фамилию не называл. Думаю, оба фальшивые.

— Как вы на него вышли?

Делмар тяжело вздохнул и посмотрел в окно.

— Меня вывели на него. Через одного человека из Совета. Сказали — молодой, надёжный, инвестиционный фонд в Лизаме. Документы были в порядке. Я проверял.

— Проверяли сами?

— Я плачу другим, чтобы проверяли.

— И где теперь те, кто проверял?

Делмар повернулся к Волю. Долго смотрел. Без злости — просто смотрел.

— Они тоже хотели бы получить ответ.

Воль закрыл папку. За окном начал стучать дождь, теперь уже сплошной. Где-то в порту загудел корабль — низко, протяжно, как будто зевнул.

— Когда он отходит?

— Сегодня в полдень.

Воль медленно поднял голову.

— Сегодня.

— Да. Мне сообщили об этом час назад. Четыре месяца я пытался решить это своими силами. Не получилось. А теперь он уезжает — и если уедет, я его не найду. Я понимаю, что это срочно. За срочность я заплачу.

Воль кивнул, не сразу.

— Господин Делмар, — сказал он ровно, — я возьмусь. Но мне нужно кое-что понимать с самого начала.

— Слушаю.

— Что вы хотите получить — деньги или его?

Делмар не ответил сразу. Поднял со стола стакан с водой, подержал, поставил обратно, так и не отпив.

— Я хочу деньги. И чтобы он понял, что взял их у меня.

— Это разные вещи.

— Я знаю. — Делмар помолчал. — Дело не в самой сумме. Сумму я бы пережил. Деньги были вложены — стояли в обороте, на них держался один из складов. Когда денег не стало, склад какое-то время ещё тянул, а к весне его пришлось закрыть. Это люди, господин Воль. Тех, кто там работал, я рассчитал. Сорок с лишним человек. Объяснять им я ничего не стал, незачем. — Он коротко повёл рукой, словно убирая сказанное со стола. — Это не для разговора. Просто чтобы вы понимали: вы считаете не одни мои убытки.

Воль смотрел на него внимательно. Делмар не был похож на человека, который хочет крови. Скорее на человека, которому очень стыдно, что его обвели вокруг пальца, и который хочет это исправить — но молча, без скандала. В Селесте такие, как Делмар, не выносят сор из избы. Им важнее не вернуть украденное, а сделать вид, что его никогда и не крали.

— Хорошо, — сказал Воль. — Я найду его. Если будет возможность вернуть деньги без полиции — верну. Если нет — передам всё в управление и буду свидетелем. На большее я не подписываюсь.

— Этого достаточно.

— Аванс.

— Секретарша приготовила конверт.

Воль поднялся, взял папку. У двери остановился.

— Господин Делмар. Ещё один вопрос.

— Да?

— Что вы хотите от меня на корабле?

Делмар отвернулся к окну. Дождь шёл уже стеной, и порт за стеклом размывался, превращался в серое движущееся пятно.

— На корабле — ничего. Просто будьте рядом. Смотрите, с кем он встречается, куда сходит, к кому едет. Когда он сойдёт в Вальмере — позвоните мне. Дальше я скажу, что делать.

Воль молча вышел.

В коридоре, у лифта, он постоял несколько секунд, глядя на собственное отражение в металлической двери. Седой висок. Плохо сидящий пиджак. Усталое лицо человека, который слишком много раз делал одно и то же.

«Опять то же самое», — подумал он.

Он не любил, когда не было времени. Времени у него никогда толком не было — но обычно хватало хотя бы на день, чтобы изучить человека, прежде чем встать с ним рядом. Сейчас не было и этого. Сейчас была только фотография.

Лифт тренькнул. Двери открылись.

Внизу, у выхода из здания, секретарша догнала его и сунула в руку конверт. Тяжёлый. Воль взвесил его в ладони — мельком, привычно, не считая. Деньги он пересчитает позже, дома, при настольной лампе. Сунул конверт во внутренний карман, поднял воротник и вышел под дождь.

На углу улицы Армарин он остановил такси.

— Куда?

— В порт, — сказал Воль. — К кассам «Аделаиды».

Таксист посмотрел на него в зеркало.

— На круиз собрались?

— По делу.

Таксист хмыкнул и больше ничего не спрашивал. Машина тронулась, дворники пошли туда-сюда, и Селеста за окном поплыла размытыми вертикальными полосами. Воль откинулся на сиденье, закрыл глаза и стал думать о человеке с фотографии.

Самоуверенный. Это хорошо. С самоуверенными работать проще.

Где-то в стороне порта протяжно гудел корабль, ещё не видный за серой пеленой, — так гудят суда, которым уже пора отчаливать.

Глава 2

К полудню дождь над Селестой выдохся.

Город после ливня выглядел умытым и слегка недовольным — словно его заставили помыться против воли. Над портом висело низкое небо, но между тучами уже проглядывали полосы солнца, и они ползали по причалам, выхватывая то жёлтый бок крана, то крышу терминала, то чью-нибудь сумку, забытую на скамейке.

Такси остановилось у бокового входа в терминал номер два.

— Приехали, — сказал водитель.

Мужчина на заднем сиденье не ответил сразу. Он прижимал телефон плечом и быстро говорил вполголоса — так, как говорят люди, привыкшие к тому, что их слышат не те, кому надо.

— Нет. Нет, я же сказал. В пятницу. Не раньше… Послушай, если он начнёт нервничать — пусть нервничает. Это его проблема. Моё дело — приехать вовремя. Твоё — чтобы он к этому моменту был готов.

На том конце что-то возразили. Он коротко выдохнул через нос.

— Тогда найди кого-нибудь, кто справится. Я перезвоню с борта.

Он сбросил, сунул телефон во внутренний карман, рас-

платился и вышел. Высокий, поджарый, в тёмном пальто без логотипов, с короткой щетиной. В правой руке — кожаный портфель, в левой — узкая сумка через плечо, которую он держал небрежно, словно она ничего не стоила. Сумка стоила. Он вообще не носил с собой вещей, которые ничего не стоили.

Терминал второй был длинным стеклянным павильоном — внутри светло, шумно, пахло кофе и резиной от чьих-то новых кроссовок. У стойки регистрации стояла очередь, не очень длинная, но плотная. Мужчина мельком оглядел её, не задерживаясь, и направился ко входу для бизнес-класса — отдельная дверь сбоку, с табличкой «Priority». Здесь людей не было.

Он почти дошёл до двери, когда телефон в кармане завибрировал снова.

Он опустил портфель на пол, достал телефон. На экране — номер без имени. Тот, который он сам сохранять не стал бы. Поднёс телефон к уху, сделал шаг в сторону, чтобы не мешать проходу.

И задел чей-то чемодан.

— Извините, — раздался женский голос. Спокойный, без раздражения.

Он повернул голову. Перед ним стояла девушка с большим тёмно-зелёным чемоданом, у которого было сломано одно колесо — она катила его наискось, и потому он постоянно норовил уехать в сторону. На плече у неё висели две

сумки. Невысокая, светловолосая, в льняном платье и потрёпанной кожаной куртке. Лицо у неё было такое, какое бывает у людей, не спавших в дороге, — немного бледнее обычного, но не уставшее.

— Ничего, — коротко сказал он и поднёс телефон к уху. — Алло. Да, я. Говори.

Он отвернулся вполоборота, поднял портфель и пошёл к двери «Priority».

Сзади послышался короткий мягкий стук — что-то упало. Он не обернулся. На том конце трубки уже говорили, и говорили не очень приятное.

— …понял. Понял. Перезвони мне через десять минут, я буду на борту.

Сбросил. Только тогда оглянулся.

Девушка стояла на коленях у своего чемодана. Из распахнувшейся сумки на пол высыпалось несколько книг — три или четыре. Она собирала их по одной, не торопясь, и складывала обратно. Одна из книг лежала чуть в стороне, у самой колонны, и кто-то из проходящих почти на неё наступил — мужчина в строгом пальто резко отдёрнул ногу и пробормотал извинение, не останавливаясь.

Он смотрел секунду. Может, две.

Потом отвернулся и открыл дверь «Priority».

Внутри было тихо. Толстый ковёр, мягкие кресла, девушка за стойкой подняла голову и улыбнулась так, как улыбаются хорошо обученные люди, — ровно настолько, чтобы кли-

ент понял: его узнали, оценили и ничего лишнего не спросят.

— Доброе утро. Фамилию назовите, пожалуйста.

— Корса. Адриан Корса. Каюта пятьсот двенадцатая.

Она кивнула, что-то быстро посмотрела в системе, протянула пластиковую карточку.

— Ваш бортовой пропуск. Каюта на пятой палубе, лифт направо. Багаж?

— Один. Возьмите портфель. Сумку оставлю.

— Конечно.

Адриан поставил портфель на стойку. Сумку оставил при себе — там были вещи, которые он никому не передавал. Девушка аккуратно взяла портфель — не тяжёлый, кожа дорогая, выпуклости от содержимого минимальные. Адриан вообще не любил возить много вещей. В его работе чем меньше вещей — тем меньше следов.

— Приятного путешествия.

— Спасибо.

Он прошёл дальше, в зону ожидания. У окна стояло три кресла, в одном из них уже сидел Тео.

Тео был в светлом пиджаке, без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки. В одной руке он держал стакан с чем-то прозрачным, в другой — телефон, и одновременно пил, листал что-то на экране и говорил с барменом, который протирал стойку метрах в пяти. Как ему это удавалось — было непонятно. Но удавалось.

— А вот и наш капитан, — сказал Тео громко, увидев Ад-

риана. — Я уже начал думать, что ты решил поехать поездом.

— Поезда туда не ходят.

— Тем более странно, что я начал так думать.

Тео хмыкнул, поставил стакан на столик и протянул руку для рукопожатия. Адриан пожал.

— Ты давно здесь?

— С полчаса. Меня тут уже все знают. — Тео кивнул в сторону бармена. — Серджио. Хороший парень. Делает приличный мартини и не смотрит на часы.

— Сейчас десять утра.

— А мы на круизе. Здесь часов не наблюдают.

— Мы не на круизе, — спокойно сказал Адриан. — Мы на работе.

Тео закатил глаза.

— Каждый раз ты это говоришь. И каждый раз мы потом четыре дня делаем вид, что отдыхаем. Расслабься. До Вальмера ещё долго.

Адриан не ответил. Достал телефон, проверил что-то, убрал. За окном, на причале, шла погрузка — крошечные фигурки в оранжевых жилетах катили тележки с багажом, и вся эта возня выглядела отсюда, из-за толстого стекла, беззвучной и какой-то ненастоящей. Где-то далеко, на дальнем конце причала, стоял огромный белый борт «Аделаиды». Адриан смотрел на него, не моргая.

— Слушай, — сказал Тео, понизив голос ровно настолько, чтобы Серджио не услышал. — Я тут подумал. Если в

Вальмере всё пройдёт нормально, может, нам пора менять формат?

— В смысле?

— В смысле что мы уже не мальчики. Сколько можно. — Тео отпил из стакана. — Один большой заход — и всё. Купить что-нибудь. Виноградник. Бар. Не знаю.

— Виноградник?

— Что тебя удивляет?

— Ты не отличишь виноградник от огорода.

— А мне не надо отличать. Я найму того, кто отличит.

Адриан позволил себе короткую усмешку — одну из тех, которые у него получались сами собой, без участия глаз.

— Сначала закроем это дело.

— Само собой.

Они помолчали. В зоне ожидания было тихо, только где-то за стеной приглушённо играла музыка — что-то мягкое, фортепианное, без слов. Адриан откинулся на спинку кресла, закрыл глаза на секунду, открыл.

Он почему-то подумал о книгах на полу.

Не о девушке — о книгах. О том, как они лежали — раскрытые, страницами вниз. Так нельзя класть книги, подумал он. Их так испортишь быстрее, чем за год чтения. У него самого книг было мало — три-четыре, в съёмной квартире в Селесте, на полке, которую он почти никогда не открывал. Но даже он это знал.

— Ты чего? — спросил Тео.

— Ничего.

— Лицо такое, будто кого-то увидел.

— Никого не увидел.

— Ну смотри.

Тео допил стакан, поставил его на столик.

— Пойдём?

— Пойдём.

Они встали. Адриан забрал с собой только сумку — портфель уже унесли в багажный отсек. Кивнул девушке у регистрации, та снова улыбнулась тем же ровным служебным образом, и они вышли из зоны «Priority» обратно в общий зал.

Адриан скользнул взглядом в сторону того места, где она стояла на коленях.

Её там уже не было.

Только на полу, у самой колонны, всё ещё лежала одна книга — небольшая, в тёмно-синем переплёте, обложкой вниз. Видимо, её так никто и не заметил.

Адриан остановился.

— Минуту, — сказал он Тео.

Подошёл к колонне, поднял книгу. Лёгкая, тонкая, потёртая по углам. Перевернул — на обложке мелкими буквами стояло: «Письма с островов». Открыл наугад: на полях — мелкие аккуратные пометки карандашом, чужой почерк.

Адриан подержал книгу в руке секунду дольше, чем требовалось, и сунул её во внутренний карман пальто.

— С каких пор ты читаешь? — поинтересовался Тео, по-

равнявшись с ним.

— Не читаю.

— А зачем тогда?

Адриан не ответил.

У выхода из терминала, где начинался крытый переход к причалу, он ненадолго остановился — пропустил вперёд пожилую пару — и за их спинами увидел её снова.

Она шла по переходу впереди, метрах в двадцати. С теми же сумками, с тем же чемоданом. Рядом с ней шёл невысокий пожилой мужчина в светлой куртке — он что-то говорил ей, и она кивала. С другой стороны, чуть отставая, шла женщина, тоже немолодая, в шарфе, повязанном так, как повязывают в провинции.

«Родители», — машинально отметил Адриан.

Она оглянулась.

Он не понял, специально ли — может быть, просто повернула голову, потому что отец что-то сказал ей. Но в этот миг её взгляд пересёкся с его. Короткое, мгновенное узнавание. Без улыбки. Без раздражения. Просто — увидела.

И отвернулась первой.

— Ты идёшь? — окликнул Тео, уже из-за поворота.

— Иду.

Адриан поправил сумку на плече и пошёл за ним.

За стеклом перехода виднелся борт «Аделаиды» — огромный, белый, с тёмными иллюминаторами, ещё не зажжёнными. Где-то наверху, на верхней палубе, шевелились

маленькие фигуры — пассажиры, уже поднявшиеся на борт. Адриан смотрел на них и думал о том, что через час он сам будет одной из этих фигур.

И ещё он чувствовал в кармане пальто тонкий вес чужой книги.

Глава 3

Трап «Аделаиды» уходил вверх круто, как лестница в небоскрёб. Вблизи корабль переставал быть кораблём — становился просто стеной с иллюминаторами.

Адриан поднимался первым. Тео шёл сзади, неся свою сумку через плечо и разговаривая на ходу, как он умел разговаривать — со всеми сразу: с Адрианом, с матросом у трапа, со встречной парой в одинаковых куртках, с самим собой.

— Доброе утро, доброе утро. Какая каюта? Пятьсот четырнадцать. Да-да, спасибо, я знаю. На пятой палубе.

— Тео.

— Что?

— Помолчи.

— Я молчу.

Адриан коротко вздохнул. Тео не молчал никогда — это было физиологически невозможно, как у некоторых людей невозможно не дышать ртом во сне.

Наверху, у входа в корпус, стоял стюард в белой форме — молодой, с очень прямой спиной и той ровной служебной приветливостью, которая на корабле полагается каждому пассажиру одинаково. Он сверил карточку Адриана, кивнул, сверил карточку Тео, кивнул ещё раз.

— Добро пожаловать на «Аделаиду». Ваш стюард по каютам — Маркус. Бизнес-палуба — четвёртая и пятая, ресто-

ран «Зелёный зал» — третья, библиотека и салон — вторая. Если понадобится что-то конкретное…

— Понадобится мартини, — встрял Тео.

Стюард не моргнул.

— …бар «Полярная» открыт круглосуточно. Это шестая палуба, кормовая часть.

— Я уже его люблю.

Адриан сделал шаг внутрь, не дожидаясь продолжения.

Внутри корабль был не таким, как снаружи. Снаружи — белая стена с иллюминаторами. Внутри — старомодный отель: тёмное дерево по стенам, ковровое покрытие приглушённого красного цвета, латунные поручни, отполированные тысячами рук до тёплого блеска. Где-то играла музыка — тихая, инструментальная, без слов. И запах был странный: смесь полированной мебели, чужих духов и слабого, едва уловимого мазута. Не противно — просто корабельно.

— Пятая палуба, — сказал стюард, показывая на лифт. — Пятьсот двенадцатая каюта налево, пятьсот четырнадцатая направо.

— Соседи, — обрадовался Тео.

— Через коридор.

— Считай, соседи.

Адриан промолчал. Лифт поднимался медленно. В зеркале на задней стене он мельком увидел себя — высокого, тёмного, со слегка усталым лицом. Сумка через плечо. Книжка в кармане пальто — её угол слегка приподнимал ткань изнут-

ри. Адриан отвёл взгляд от собственного отражения и стал смотреть на цифры над дверью. Четыре. Пять.

Двери раскрылись.

Коридор пятой палубы был длинный и узкий, обитый тем же тёмным деревом, с такими же красноватыми коврами и редкими бра вдоль стен. Каюты шли по обеим сторонам, через равные промежутки. У одной из дверей, метрах в десяти от лифта, стоял человек.

Адриан задержал на нём взгляд на секунду дольше, чем требовалось.

Человек был немолодой, седоватый, в плохо сидящем пиджаке. Не на пенсию, но к ней. Он что-то искал в кармане — ключ-карту, наверное, — и не поднял головы, когда лифт открылся. Просто стоял, рылся в кармане, обычный пассажир.

«Обычный пассажир», — мысленно повторил Адриан и пошёл дальше.

Лицо ему ничего не сказало. Лицо было незнакомое. Но что-то в осанке этого человека Адриана царапнуло — не как тревога, а как лёгкое, почти неуловимое неудобство, такое, как когда обнаруживаешь в обуви соринку и решаешь, что разберёшься с ней позже.

— Это твоя? — спросил Тео, останавливаясь у пятьсот двенадцатой.

— Моя.

— Я напротив.

— Знаю.

— Через час в баре?

— Через два. Мне надо сделать пару звонков.

— Через два.

Тео хлопнул его по плечу и пошёл к своей двери. Адриан вставил карточку, дождался зелёного огонька и вошёл.

Каюта была лучше, чем он ожидал. Просторная — по корабельным меркам. Кровать у одной стены, рабочий стол у другой, иллюминатор на полстены — большое овальное окно с толстым стеклом, в котором сейчас виднелся всё тот же причал, краны и кусок неба. Маленький диванчик, шкаф, дверь в санузел. Запах нового белья.

Адриан закрыл дверь, повернул задвижку, положил сумку на кровать.

И только тогда выдохнул.

Он постоял минуту посередине каюты, не двигаясь. Так он всегда делал, приезжая куда-то, — давал себе время понять место. Не оглядеть его, а почувствовать. Где двери. Где окна. Откуда какой звук. Где ты сам.

Сейчас он был в каюте пятьсот двенадцать, на пятой палубе «Аделаиды», в порту Селесты, в одиннадцать пятьдесят пять, и до отплытия оставалось пять минут.

Адриан подошёл к иллюминатору.

Внизу копошился порт. Маленькие фигурки в оранжевых жилетах укатывали тележки, кто-то махал кому-то с причала, какой-то ребёнок бежал за чайкой — далеко, маленький, и казался почти невесомым. Адриан смотрел вниз и ни о чём

конкретном не думал. Несколько секунд пустоты в голове — то, что он всегда позволял себе перед работой.

Потом он повернулся, открыл сумку.

Внутри было немногое: ноутбук в чехле, две папки с документами, второй телефон без личной симки, небольшой кожаный футляр с какими-то мелкими предметами, паспорт на имя, которое не было его настоящим. Он разложил всё на столе аккуратно, как раскладывают карты, и стал смотреть.

Работа в Вальмере была несложная, но требовала аккуратности. Человек по фамилии Кейн, владелец трёх небольших отелей на побережье, должен был в пятницу встретиться с «представителем фонда» — то есть с Адрианом — и подписать инвестиционное соглашение на расширение сети. Документы выглядели идеально. Печати были настоящие. Не существовало только самого фонда, под который собирались деньги. Точнее, существовал — но как пустая оболочка, зарегистрированная в Лизаме на двух подставных лиц, которых ни Кейн, ни кто угодно другой не нашёл бы, даже если бы захотел.

Адриан смотрел на документы, и в голове ничего нового не звучало. Всё было уже отработано. Он мог бы делать это с закрытыми глазами. И именно поэтому ему сейчас было слегка не по себе.

Он не любил, когда всё было слишком готово. Это значило, что он чего-то не учёл.

В дверь постучали.

Адриан застыл. Не от страха — просто от того, что в этот час, в этой каюте, на этом корабле к нему никто стучаться не должен был. Тео был напротив, и Тео не стучал — Тео ломился.

Стук повторился. Тихий, вежливый.

Адриан быстро убрал документы обратно в сумку, закрыл её, поставил на пол у кровати и подошёл к двери. Посмотрел в глазок.

За дверью стояла горничная — молодая, в форменном фартуке, с тележкой полотенец. Совершенно обыкновенная горничная. Адриан открыл.

— Простите, — сказала она. — Уборка перед отплытием. Можно?

— Я только что заселился.

— Я знаю. — Она виновато улыбнулась. — Это формальность. Я просто проверю полотенца.

Адриан коротко оглядел её. Молодая, лет двадцати трёх. Усталое лицо человека, который начал смену задолго до пассажиров. Бейджик на фартуке: «Мариса». Никаких признаков того, что она не та, за кого себя выдаёт.

Он отступил, пропуская её.

Мариса быстро прошла в ванную, что-то там переложила, вернулась, кивнула.

— Всё в порядке. Хорошего рейса.

— Спасибо.

Она вышла. Адриан закрыл дверь, постоял ещё секунду и

снова подошёл к иллюминатору. Внизу, на причале, последние машины уезжали. На трапе ещё стоял один опоздавший — мужчина с большим чемоданом, что-то быстро объяснявший стюарду.

Адриан глядел вниз и думал о человеке в коридоре — о том, в плохо сидящем пиджаке.

Лицо незнакомое, совершенно. Но осанка…

Он не мог понять, что именно ему мешает. Не сейчас.

Он отвернулся от иллюминатора, достал из кармана пальто книгу и положил её на стол — рядом с пустым местом, где минуту назад лежали поддельные документы.

Странное соседство.

Адриан задержал на ней взгляд и пошёл переодеваться.

Через пять минут где-то наверху загудела сирена — низко, длинно, на весь корабль. «Аделаида» отходила от причала Селесты.

Глава 4

Воль поднялся на борт «Аделаиды» заранее.

У него не было ни багажа, ни спешки. Только небольшая дорожная сумка через плечо — старая, из тёмной кожи, с потёртой ручкой. Стюард у трапа сверил карточку, кивнул и не задал ни одного вопроса. Воль вообще не вызывал у людей вопросов. Это была одна из его профессиональных черт — он умел выглядеть так, что на него не хотелось смотреть второй раз.

Внутри корабля было ещё тихо. Основная посадка не началась — пассажиры подтягивались редко, по одному, по двое. Воль шёл к лифту неторопливо, осматривая всё вокруг: стойка стюардов, указатели, запасной выход, камеры в потолке. Это было автоматически. К тому моменту, как он дошёл до своего этажа, он уже знал «Аделаиду» лучше, чем большинство пассажиров узнает её за весь рейс.

Селиться он попросился на пятую палубу — заплатив дороже, чем планировал. В кассе ему повезло: одна каюта в нужной зоне освободилась — пассажир в последний момент отказался от поездки. О совпадениях Воль старался не думать. В его работе они иногда случались. Сегодня — пошли навстречу.

Каюта пятьсот семнадцать была в семи дверях от пятьсот двенадцатой. Достаточно близко, чтобы слышать движение в

коридоре. Достаточно далеко, чтобы не пересекаться у лифта чаще, чем нужно.

Воль вошёл, закрыл дверь, повернул задвижку.

Каюта оказалась приличнее, чем он рассчитывал. Не люкс, но и не из дешёвых. Кровать у одной стены, маленький письменный стол у другой, овальный иллюминатор с толстым стеклом, в котором сейчас виднелся причал и кран в отдалении. Узкий шкаф, дверь в санузел. Запах нового белья.

Воль положил сумку на кровать, не разбирая. Прошёл в санузел, умылся холодной водой и долго смотрел на себя в зеркале. Лицо было такое, к которому он привык за двадцать лет. Усталое лицо человека, у которого скоро будет ещё одно дело.

Он вытер руки, вернулся, открыл сумку.

Внутри было немногое: смена белья на четыре дня, бритвенный набор в кожаном футляре, тёмно-синяя записная книжка с резинкой, два карандаша, потёртый кошелёк с наличными — настоящими, не из банковского аванса, — и плоский конверт с фотографией. Воль вынул её, посмотрел ещё раз и убрал во внутренний карман пиджака.

Потом подошёл к иллюминатору.

Внизу копошился порт. Маленькие фигурки в оранжевых жилетах катили тележки с багажом, ползли вверх и вниз по трапу. У дальнего конца причала уже подъезжали такси с опаздывающими. Воль смотрел вниз без интереса — следил

не за людьми, а за ритмом. Когда главные пассажиры начнут подходить. Когда трап будет самым многолюдным.

Сел к столу, открыл записную книжку, написал на чистой странице одно слово: «Расчёт». Под ним — три строки:

«Каюта 512, пятая палуба. Едет с другом. Деловая поездка в Вальмер.»

«Бар “Полярная”, шестая палуба, кормовая часть — нейтральная точка.»

«Ресторан “Зелёный зал”, третья палуба — общее пространство.»

Закрыл книжку. Это была разметка. Не сама работа — её скелет.

Прошло какое-то время. За иллюминатором посерело — солнце, ненадолго пробившееся между туч, снова ушло за облака.

В дальнем конце коридора негромко тренькнул лифт.

Воль это услышал. Поднялся, не торопясь. Подошёл к двери, бесшумно положил ладонь на ручку, прислушался.

Шаги по ковру. Двое. Сумки.

— …Соседи, — обрадовался один голос. Молодой, громкий, с лёгкой хрипотцой пьющего человека.

— Через коридор, — ответил второй. Низкий, сдержанный.

— Считай, соседи.

Воль выдохнул. По интонации — те самые. Шумный и тихий. Но в какую именно дверь они зайдут, со слуха было не

определить.

Он быстро снял с крючка пиджак, надел, проверил карманы — паспорт, бумажник, фотография — и взялся за ручку. Шаги ещё не дошли до его участка коридора. Несколько секунд у него было.

Воль вышел.

Коридор в его сторону был пуст. Двое были ниже, у поворота от лифта. Воль повернулся спиной к лифту, лицом к своей двери, опустил руку в карман — стал искать ключ-карту. Карта была у него, конечно. Он её просто перекладывал из одного кармана в другой.

Шаги приближались.

Воль не поднимал головы. Один шёл впереди, ровно, спокойно. Второй — за ним, продолжая говорить. Воль продолжал рыться в кармане.

Шаги дошли до пятьсот двенадцатой и остановились — метрах в десяти от него. Тихий щелчок ключ-карты. Дверь открылась. Низкий голос сказал что-то короткое. Второй ответил. Дверь закрылась. Через секунду открылась другая, напротив, через коридор. И тоже закрылась.

Воль медленно, как бы наконец-то найдя карту, провёл ею по замку своей двери. Огонёк мигнул зелёным. Воль вошёл, закрыл дверь.

Постоял у двери секунду.

Низкий — Адриан. Шумный — спутник. Пятьсот двенадцатая. Та, что нужно.

Перед тем как открыть свою дверь, тот, что шёл первым, посмотрел в его сторону. Не подозрительно, не пристально — просто отметил: в конце коридора у двери стоит пожилой пассажир. Но отметил.

«Запомнил, — подумал Воль. — Этого было не избежать.»

Он снял пиджак, повесил на спинку стула, сел на кровать, прислонился к стене, закрыл глаза. До отплытия оставалось ещё какое-то время. Спать он не собирался. Просто ждал. Чтобы корабль вышел в море, чтобы пассажиры рассредоточились, чтобы эта первая встреча в коридоре осела, как пыль на полке.

Где-то наверху загудела сирена — длинно, протяжно, на весь корабль. «Аделаида» отходила от причала Селесты.

Воль не открыл глаз. Слушал. Сначала вибрация, прошедшая по корпусу. Потом приглушённый плеск воды за бортом. Потом ровное низкое гудение машин.

Он знал эти звуки. Не с круизов.

* * *

Бар «Полярная» располагался в кормовой части шестой палубы. Воль зашёл туда не сразу после отплытия, а после ужина. Сидеть в баре с одной только водой в первый час путешествия — это бросалось бы в глаза. А вот пожилой человек со стаканом воды после ужина — обычное дело. Так делали многие.

Ужин он провёл в «Зелёном зале», за маленьким столи-

ком в углу, откуда был виден весь зал и оба входа. Заказал суп и рыбу. Ел медленно. Адриана и его шумного спутника в зале не было — видимо, они ужинали в бизнес-зоне, на пятой. Это Воля устраивало. На первый день общего стола ему хватало.

В «Полярную» он пришёл, когда за иллюминаторами уже стемнело.

Помещение было большое, полукруглое, с панорамным окном, выходящим на корму. За стеклом — чёрная вода и редкие огни на дальнем горизонте. Окно во всю стену делало бар похожим на огромный аквариум — только смотрели не на рыб, а из бара наружу, на тёмное движущееся море.

Людей было немного: пожилая пара у окна, двое мужчин среднего возраста за дальним столиком, несколько одиночек у стойки. Воль обвёл взглядом всех, не задерживаясь ни на ком, и сел за маленький столик ближе к стене — оттуда хорошо была видна и стойка, и вход, и большая часть зала.

Подошёл официант — молодой парень, тонкий, длиннорукий, с тем выражением лица, какое бывает у людей, отработавших уже несколько смен подряд. На бейджике значилось: «Сандро».

— Добрый вечер. Что закажете?

— Воду с лимоном.

— Только воду?

— Только воду. После ужина.

— Понял.

Сандро кивнул и отошёл. Через минуту вернулся со стаканом и поставил рядом маленький счёт на блюдечке.

— Расплачусь сразу, — сказал Воль и достал бумажник.

Он положил на блюдечко купюру. Она была больше, чем нужно. Намного больше. Положил её так, как кладут чаевые — ровно, без объяснений.

Сандро взял блюдечко. Опустил глаза на купюру. Поднял на Воля.

Воль ответил ему спокойно.

— Сдачи не нужно, — сказал Воль.

— Это слишком много за воду.

— За воду — да. А я ещё, может быть, попрошу о небольшой услуге. Завтра. Если согласитесь.

Сандро на секунду опустил взгляд на блюдечко. Потом снова поднял.

— Какой?

— Несложной. Просто поговорим.

Короткая пауза.

— Я подойду.

— Спасибо.

Сандро отошёл. Воль видел, как тот за стойкой передал блюдечко и купюру кассиру, что-то коротко сказал, кивнул. Потом обернулся — коротко глянул через зал, в сторону Воля. Воль на этот взгляд не ответил. Сидел, отвернувшись к окну.

Завтра Сандро либо придёт, либо не придёт. Если не при-

дёт — Воль найдёт другого. Молодой, уставший, с лицом человека, у которого что-то болит за пределами этой работы. С такими обычно получается.

Воль отпил воды.

И в этот момент Адриан вошёл в бар.

Не один. С ним был тот самый шумный — крепкий, светловолосый, в светлом пиджаке, с громким смехом, который было слышно ещё в коридоре. Они подошли к стойке, заказали что-то, бармен кивнул. Адриан стоял спиной к Волю и не оглядывался. Это было хорошо.

Воль медленно отвернулся к окну и стал слушать.

Голос шумного был слышен отчётливо:

— …нет, я тебе говорю, я этого Серджио уже люблю. Знает дело. Не смотрит на часы. Главное — успеть за эти дни отдохнуть как следует. Потом будет некогда.

Адриан что-то ответил, но тише. Воль не разобрал.

— Да брось, успеется. Куда ты вечно торопишься. Море же.

Адриан снова сказал что-то — коротко, без выражения. Шумный хмыкнул и продолжил уже о другом — что-то про бармена, про какой-то столик, про что-то весёлое, что было утром. Воль не вслушивался. Главное он уже услышал: один говорит, второй молчит. Так оно почти всегда и бывает в таких парах.

Они взяли бокалы и пошли к свободному столику у окна — не рядом с Волем, но достаточно близко, чтобы слышать,

если говорить громко. Шумный говорил громко. Это было его естественное состояние.

Воль чуть-чуть повернул голову — ровно на градус, не больше. Теперь он видел их краем глаза. Адриан сидел вполоборота, лицом к окну. Молодой. Слишком ровный для отпуска. Плечи расслаблены — но не той расслабленностью, что бывает у человека, который наконец выдохнул. Той, что бывает у человека, который давно научился не показывать напряжения.

«Та же осанка, — подумал Воль. — Из кафе.»

За стеклянной стеной медленно темнело. Море становилось гуще, тяжелее. Полоска Селесты на горизонте уже исчезла. «Аделаида» шла на север.

Воль допил воду и поднял руку. Сандро заметил сразу — Воль это отметил про себя — и подошёл, не спеша, как и положено хорошему официанту.

— Ещё одну?

— Ещё одну.

— Хорошо.

Сандро принёс стакан, забрал пустой. На этот раз Воль расплатился обычной купюрой, по счёту. Так и было задумано. Сандро уже знал, что бывает по-другому.

Адриан и шумный продолжали разговор у окна. Шумный что-то рассказывал, активно жестикулируя. Адриан слушал и иногда отвечал. Один раз он обернулся к залу — окинул его общим, скользящим взглядом, не задержавшись ни на

ком. Скользнуло и по столику Воля. Воль в этот момент глядел в окно, держа стакан у губ.

Их взгляды не встретились.

Адриан отвернулся к шумному и продолжил разговор.

Воль очень осторожно выдохнул.

Это была обычная работа. Двадцать лет такой работы. Сидеть. Смотреть. Не быть замеченным. Ждать.

«Аделаида» шла дальше, и за её кормой темнело небо, и где-то далеко позади оставалась Селеста, и где-то впереди, через четыре ночи, был Вальмер, и между этими двумя точками в одном замкнутом пространстве сейчас находились все, кто имел отношение к этому делу. Никто из них уже не мог сойти раньше времени.

Воль поставил стакан на стол. Без звука.

За окном была вода. Много воды. И больше пока ничего.

Глава 5

Адриан вернулся в каюту поздно.

Он не был пьян — пил столько, сколько было нужно, чтобы в баре с Тео выглядеть как человек, который сидит в баре с Тео, и не больше. Сегодня нужного количества хватило надолго. Тео говорил, Адриан кивал и иногда смеялся короткой усмешкой без участия глаз. К концу второго часа Серджио уже протирал стойку с той вежливой выносливостью, с какой барменам полагается смотреть на постояльцев, не желающих расходиться.

— Пора, — сказал в какой-то момент Адриан.

— Куда?

— Спать.

— Спать сейчас — преступление.

— Спать сейчас — необходимость.

Тео что-то проворчал, но поднялся.

В лифте они молчали. На пятой палубе разошлись по своим дверям. Тео обернулся, что-то хотел сказать, передумал, махнул рукой. Дверь напротив закрылась.

Адриан вошёл к себе. Закрыл, повернул задвижку. Постоял у двери — те несколько секунд, которые он давал себе всегда, в любом номере, в любой каюте. Где двери. Где окна. Откуда какой звук. Где ты сам.

В каюте было прибрано. Постель раскрыта на одну сторо-

ну, свежее полотенце на стуле, маленькая лампа на столе горела сама — заходила Мариса по вечернему обходу. На столе, аккуратно подвинутая к центру, лежала книга.

Та самая.

Тёмно-синий переплёт. Потёртые углы. Маленькая. Мариса, наверное, выровняла её под край стола, как полагается. Адриан опустил руку, сдвинул книгу чуть в сторону, чтобы не лежала ровно посредине. Маленький бытовой жест, без смысла. Просто — теперь как он её оставил.

Снял пальто, расстегнул ворот рубашки, сел к столу.

Читать не собирался — последнюю книгу прочёл, кажется, три или четыре года назад, и не помнил, какую. Просто протянул руку и открыл, наугад, ближе к середине.

На правой странице, рядом с одним из абзацев, шёл тонкий карандашный штрих. Аккуратная скобка. Под ней, мелко, прижатое к самому краю, — чужой почерк. Несколько слов. Не разобрать с первого взгляда. Адриан и не разбирал.

Перелистнул дальше — там тоже. Карандаш не свежий, чуть размытый. Кто-то читал эту книгу давно и разговаривал с ней так, как разговаривают с близким, — короткими фразами на полях.

Что-то в нём шевельнулось.

Едва-едва — так бывает, когда задеваешь рукой ткань и в первое мгновение не понимаешь, ткань это или сквозняк. Адриан не успел понять. Закрыл книгу, положил её на стол.

Встал, выключил лампу.

В каюте стало темно — не до конца, потому что в иллюминаторе шёл слабый ночной отсвет от воды. Очертания стола и шкафа ещё угадывались.

Снял ботинки, лёг поверх покрывала, не разбирая постели, закинул руку под голову.

«Аделаида» шла ровно. Где-то по коридору прошли чьи-то шаги — не остановились ни у одной двери. Прошли мимо.

Он закрыл глаза.

* * *

В каюте родителей пахло лавандовым мылом из домашнего набора, который мать всегда возила с собой в дорогу, словно без него гостиничное полотенце не считалось своим.

Мира сидела на краю кровати, поджав одну ногу под себя, и смотрела, как мать раскладывает по углам каюты свои тряпочки. Кофта на спинке стула. Шарф на крючке у двери. На тумбочке — книга, которую мать читает уже два года и никак не дочитает. Те же вещи, что и десять лет назад. Так она всегда обживалась — не вещами, а мелкими шагами.

— Не сядь на платье, — сказала мать, не оборачиваясь.

Мира пересела повыше, разгладила складку.

— Не сяду.

— Только в чемодане его и помяла.

— Это куртка его помяла. Сверху лежала.

— Куртку положила ты.

— Платье тоже я.

Мать коротко хмыкнула и больше про платье не сказала.

Это была её манера — последнее слово оставлять за собой, но без нажима, мягко, чтобы у собеседника не оставалось ощущения проигрыша.

Отец сидел на краю своей кровати, спиной вполоборота к иллюминатору, в очках, и читал программку рейса — тонкую серую брошюру с расписанием стоянок и адресами портовых служб, которую им выдали ещё при посадке. Читал медленно, ведя пальцем по строчкам, как читал когда-то контрольные своих учеников. Ночной отсвет от стекла ложился ему на плечо узкой косой полосой, остальное оставалось в тени.

— Помоги мне с сумкой, — сказала мать. — Не пойму, куда мы засунули лекарства.

Мира встала.

В углу у шкафа стоял большой тёмно-зелёный чемодан со сломанным колесом — общий, семейный. Рядом — её две сумки. Мать рылась в своей маленькой клетчатой, той, в которой у неё обычно лежало всё, чему не нашлось другого места.

— В клетчатой их нет, — сказала Мира.

— Должны быть.

— Я их клала в твою серую.

— В серой одни кофты.

— Значит, в чемодан.

Мать молча кивнула на чемодан. Это и был её способ сказать «достань». Мира опустилась перед ним на колени, от-

крыла. Сверху лежали отцовские свитеры, под ними — мамин халат, ещё ниже — пакет с маленькой жестянкой и пачкой блистеров.

— Вот.

— Слава богу.

Мира оставила лекарства матери и взялась за свои сумки. У неё в дороге всегда был свой порядок: книги — в одну, мелочи — в другую, и каждая вещь жила на одном и том же месте от поездки к поездке. Это её успокаивало.

Она достала из верхней сумки стопку книг и переложила на пустой угол стола, чтобы потом перенести к себе.

Посмотрела.

Их было четыре.

Мира взяла стопку в руки, перевернула корешками к себе, как будто это могло что-то изменить. Зелёный сборник. Серый, с надписью по диагонали. Толстая в коричневом, с закладкой посередине. И светло-кремовая, новая, ещё не начатая. Четыре.

Тёмно-синей среди них не было.

Она положила стопку обратно на стол. Не сразу. Подержала ещё секунду, как держат на ладони то, что не хотят отпускать.

— Что? — спросила мать.

— Ничего.

— У тебя лицо.

— Какое лицо?

— Такое, какое всегда, когда у тебя что-то.

Мира коротко выдохнула.

— Книги не хватает.

— Какой?

— Маленькой. Синей.

Мать замолчала на полсекунды дольше, чем нужно. Этого было достаточно. Она знала, какой.

— Когда видела последний раз?

— В сумке.

— А сумку?

— В терминале.

Отец перевернул страницу программки. Не поднял головы. Но прислушался — Мира это почувствовала.

— Что в терминале? — спросил он.

— Ничего, — сказала Мира. — Просто… там было тесно. Я уронила сумку. Книги высыпались. Я их собирала.

— Кто-то помог?

— Нет.

Никто не помог. Мира не стала ничего добавлять. Один прохожий чуть не наступил на книгу, отдёрнул ногу, что-то буркнул и пошёл дальше — но это была не помощь, и пересказывать это родителям не имело смысла.

— Я их собрала, — сказала Мира. — Я даже пересчитала.

— Ну значит, не пересчитала, — мягко сказала мать.

— Я пересчитала.

— Значит, выронила потом.

— Может быть.

Мать кивнула и переложила пачку блистеров в свою маленькую клетчатую, как будто этим жестом ставила в разговоре точку. У неё была такая манера — заканчивать словами то, что словами не заканчивалось. Мира знала её с детства. Иногда от неё хотелось плакать. Иногда — за неё благодарить.

Отец опустил программку на колено. Снял очки.

— Городские не умеют извиняться, — сказал он негромко, ни к кому не обращаясь. — Они привыкли, что за них извиняется чек.

Мать обернулась.

— Бен.

— Что — «Бен».

Отец помолчал. Сложил очки, положил на программку. Потом поднял голову и посмотрел уже на дочь — впервые за вечер прямо.

— Ты ничего не уронила, — сказал он. — Это он задел.

Мира кивнула, не поднимая глаз.

Это был его способ взять её сторону. Не утешить, не пожалеть — пересмотреть факты. Если факты теперь такие, значит, и переживать не о чем. Так он делал всегда, с самого её детства. Так делал и с её братом, пока было кому делать.

Мать смотрела на Миру — не на отца. Долго, ровно. Тот взгляд, который Мира знала наизусть и от которого давно не пряталась: бесполезно. Мать видела её насквозь и про бра-

та думала каждый день, и про книгу поняла сразу — какую именно. Но вслух не назвала. И слава богу, что не назвала.

— Найдётся, — сказала мать.

— Не найдётся.

— Тогда так.

Мать сказала это просто. Без сочувствия, без утешения. И Мира была ей за это благодарна больше, чем за все мягкие слова, которые могла услышать. «Тогда так» — это была их семейная фраза. Её придумал отец много лет назад, ещё до всего. С тех пор у них этим словом закрывалось всё, что нельзя поправить.

Мира подошла к иллюминатору. Отец сидел в полушаге от неё, у изголовья своей кровати, не повернулся. Только через секунду, не глядя, коротко тронул её локоть костяшками пальцев — сухим, тяжёлым касанием — и тут же снова опустил руку на программку.

Это было больше, чем он позволял себе за долгое время.

Мира посмотрела в стекло.

Снаружи была чёрная вода — далеко внизу, гладкая, без блеска. Огней не было ни на горизонте, ни ближе. Только слабая белая полоса вдоль борта — тонкий след, который тут же таял. Стекло было толстое и от каютной лампы слегка отсвечивало изнутри, и в этом отсвете Мира увидела своё лицо — наложенное на воду, полупрозрачное, не совсем своё.

Она смотрела на это лицо долго.

«Не сегодня», — подумала.

Это была её фраза. Она научилась ей за эти годы. «Не сегодня» — значит, я знаю, что оно есть. И знаю, что сегодня я с ним не разговариваю. Может быть, завтра. Может, послезавтра.

Сейчас — нет.

Где-то под корпусом ровно гудели машины, и «Аделаида» шла на север, и под ней было много воды, и над ней была ночь без луны. В стекле напротив Миры стояла Мира — чужая, прозрачная, наложенная на темноту.

Книга была где-то у кого-то. Без неё.

— Иди спать, — тихо сказала мать сзади.

Мира кивнула отражению.

И ещё постояла.

Глава 6

Утром Адриан проснулся раньше, чем собирался.

В каюте было ещё сумрачно — иллюминатор выходил на запад, и солнца здесь стоило ждать только во второй половине дня. Адриан полежал минуту, разглядывая потолок: белый, с маленькой круглой плафонницей посредине, ровно ничего интересного. Это его и устраивало.

«Аделаида» шла ровно. Никаких качаний, никакой тошноты — обещанная в брошюре «стабилизированная плавучесть» и вправду работала. За дверью, в коридоре, прокатилась тележка — колёсики дробно вздрагивали на стыках ковра. Кто-то из персонала начинал утренний обход.

Адриан встал, умылся холодной водой, побрился. Перед зеркалом задержался дольше, чем нужно, — просто посмотрел на своё лицо. Ничего нового. То же лицо, с короткой светлой щетиной, которую он отращивал неделями и сбривал, когда надо было выглядеть «семейным». В Вальмере придётся сбрить. Сейчас — рано.

Завтракать в каюте не хотелось. Подниматься в «Зелёный зал» — тоже: там был Тео, а Тео по утрам становился сноснее только после первого мартини, и Адриану не хотелось присутствовать при этой химической реакции. Он оделся, спустился палубой ниже, взял в маленьком буфете кофе навынос — горький, слишком горячий, в картонном стакане — и

пошёл искать место потише.

Коридор пятой палубы он покинул не сразу. В дальнем конце, у поворота к лифту, стоял пожилой мужчина в плохо сидящем пиджаке и читал расписание на стене.

Адриан задержал на нём взгляд.

Тот же. Тот же, что вчера. Не повернул головы — просто водил пальцем по строчкам, как читают вокзальные доски. Седой висок, опущенные плечи человека, для которого этот корабль — никакая не радость, а просто очередное место, где придётся провести четыре дня.

«Дважды», — отметил Адриан про себя.

Не как тревогу — как соринку в обуви, в которой он ещё не разобрался. Один раз — случайность. Два раза в одном коридоре — статистика. Три раза будет уже фактом. Но три раза ещё не было.

Он прошёл мимо, не глядя в его сторону, к лифту. В зеркале мельком увидел своё отражение — высокий, тёмный, непривычно собранный к утру. Отвёл взгляд.

Лифт пошёл вниз.

На второй палубе Адриан вышел и направился по указателю в сторону библиотеки. Идея была простая: посидеть час там, где Тео его не догадается искать. В библиотеку Тео не зашёл бы, даже если бы там подавали мартини. У них с книгами были разные часовые пояса.

* * *

Библиотека на «Аделаиде» оказалась лучше, чем Адриан

ожидал.

Не большое модное пространство со стеклянными полками и точечной подсветкой — а маленький, чуть подзабытый зал, в котором всё было сделано тогда, когда корабль строили. Тёмное дерево по стенам, низкие шкафы со стеклянными дверцами, на полках — книги в выцветших переплётах, расставленные не по алфавиту, а по чьему-то давнему и непрозрачному принципу. Несколько кресел вокруг низкого журнального стола. У окна — два маленьких столика с лампами под зелёными абажурами. Запах был приятный: старая бумага, лак, и где-то очень слабо — кофе, который, видимо, время от времени приносили сюда с верхних палуб.

Народу почти не было. У дальней стены, в кресле, сидел старик с газетой — настолько неподвижно, что Адриан секунду сомневался, дышит ли он. На диване устроилась женщина средних лет с журналом мод — листала медленно, машинально, не глядя в страницы. И у одного из столиков под зелёной лампой сидела она.

Адриан остановился на полшаге.

Не от удивления. Удивляться было бы непрофессионально — на корабле в четыреста пассажиров вероятность увидеть знакомое лицо за четыре дня близка к единице. Просто пауза, чтобы решить, что делать.

Мира сидела вполоборота к нему, не подняв головы. Перед ней лежала раскрытая книга — не та, не синяя, а большая, в матовом коричневом переплёте. Рядом — блокнот и

карандаш. Она читала и одновременно что-то выписывала, не глядя на бумагу, как пишут люди, давно привыкшие к своей руке.

Светловолосая. В том же льняном платье, что и в терминале, — или, может, в другом таком же. Поверх — серая кофта, домашняя, не на корабль. Будто она достала её из чемодана вчера, потому что в каюте было холодно, и так в ней и осталась.

Адриан медленно повернул голову, как поворачивают её, когда оглядывают зал из вежливости, и пошёл к ближнему шкафу.

Книга была у него во внутреннем кармане. Утром он сунул её туда не задумываясь — привычно, как сунул бы паспорт, — и вспомнил о ней только в лифте. Тонкая, лёгкая, под пиджаком её не было видно. «Пусть будет», — подумал он тогда. Не «отдам», не «при случае». Просто пусть лежит, как лежит.

Сейчас, у шкафа, он вернулся к этой мысли снова — и впервые за утро всерьёз.

Можно было подойти. Сказать ровно одну фразу: «Простите, кажется, вы выронили это в терминале». Фраза была хорошая — вежливая, точная, без второго дна, она сработала бы с кем угодно. К ней даже полагалась короткая улыбка, не широкая, — из тех, какие Адриан умел делать не задумываясь.

Он не подошёл.

Постоял у шкафа ещё немного, провёл пальцем вдоль полки, как делают люди, выбирающие, что бы почитать. Буквы на переплётах были старые, потёртые. Один корешок он наугад потянул на себя. Книга вышла легко, будто её давно не открывали. На обложке стояло: «Записки рыбопромышленника». Адриан слегка приподнял брови — про себя, без участия лица — и поставил её обратно.

Момент был неудобный. Утро. Никто не входит, не выходит. Подойди он сейчас — разговор окажется услышанным двумя зрителями. И ещё: придётся объяснять, почему он узнал её через день. Кто узнаёт человека через день на корабле, если не следил за ним?

Это были разумные доводы. Адриан умел собирать разумные доводы в любую сторону, в которую ему было удобно идти.

«Не сейчас», — подумал он. И тут же, секундой позже: «Вообще не сейчас?»

На второй мысли он остановился. Подержал её, как держат вещь, только что вынутую из кармана и непонятно — свою или чужую. Положил обратно.

Снова прошёлся вдоль полки.

«Записки рыбопромышленника». «История кораблестроения Северных морей, том второй». «Письма с островов». «Кулинарные путешествия…»

Адриан остановился.

«Письма с островов».

На полке. В тёмно-синем переплёте. Такая же — нет, чуть толще, чуть больше — но та же. Та же надпись, та же гарнитура. Переиздание, должно быть. Библиотечный экземпляр — а значит, скорее всего, чистый: без чужого карандаша, без чужого почерка на полях.

Он стоял и смотрел на корешок.

Странное было ощущение. Не сильное — он умел не давать ощущениям вырасти в нём до полного размера, — но настойчивое. Как будто кто-то аккуратно подложил ему вещь под руку и теперь смотрит из-за плеча: заметит он её или нет.

Адриан медленно протянул руку и снял библиотечный экземпляр с полки.

Открыл наугад.

На правой странице, у одного из абзацев, не было ничего. Никакой скобки. Никакого карандаша. Только чистое поле, ровное, белое. Он перелистнул дальше. Поля шли пустыми, идеально, страница за страницей.

Это была книга. Просто книга.

То, что лежало у него во внутреннем кармане, книгой быть перестало. Перестало давно — в тот день, когда кто-то прошёл по этим полям карандашом и оставил на них короткие фразы. Адриан их не читал. Но теперь он держал рядом — у груди и в руке — две разные вещи, которые с обложки выглядели как одна.

Он закрыл библиотечный экземпляр.

Поставил обратно. Аккуратно — корешком ровно по линии других, как стоял.

И вот тут, наконец, поднял голову и посмотрел в сторону столика у окна.

Мира уже смотрела на него.

Не пристально. Не пытаясь поймать его взгляд — наоборот, как будто только что подняла глаза от книги, чтобы дать им отдохнуть, и натолкнулась на него случайно. Она держала карандаш на весу, пальцами, как держат во время паузы. Лицо было спокойное. Чуть бледное, как и в терминале. Не уставшее.

Она его узнала. Адриан это понял сразу — по тому, как она не удивилась. Узнавание бывает двух видов: одно подскакивает, другое садится. У неё село. На секунду — и потом ушло, и она снова опустила взгляд в книгу, как будто его не было.

Адриан остался стоять у шкафа.

«Сейчас», — подумал он. И сам себе не поверил.

Он сделал шаг от шкафа — но не к ней. К креслу у низкого столика в центре зала, туда, где можно было сесть и где он оказывался ни близко, ни далеко. Сел. Достал из кармана — не книгу, нет, — небольшую папку, которую взял из каюты для вида: расписание стоянок, схема палуб, что-то ещё, формальное. Раскрыл. Сделал вид, что читает.

И стал ждать.

Не её. Себя. Перед нужным разговором в нём обычно что-

то срабатывало — короткий внутренний щелчок, после которого слова находились сами, а лицо принимало то выражение, какое было нужно. Без этого щелчка он не начинал: получалось напряжённо, а напряжение всегда заметно.

Сейчас щелчка не было.

Он сидел, водил глазами по строчкам расписания и слышал ясно, как с её стороны зашуршала перелистываемая страница. Потом ещё одна. Потом тихий стук — она положила карандаш на стол. Потом ничего.

Адриан поднял глаза.

Она смотрела не на него — на свою книгу. Но с тем видом, какой бывает у человека, который перестал читать и теперь просто держит лицо над страницей, потому что встать и уйти было бы громко.

«Она тоже ждёт», — подумал Адриан и тут же поправил себя: или просто читает. Или думает о своём. У него была профессиональная болезнь — приписывать чужим лицам реакции на себя там, где никаких реакций не было.

И в эту секунду в библиотеку вошёл человек.

Мужчина лет шестидесяти, в кремовой рубашке навыпуск, с лицом таким широким и приветливым, что было понятно: где бы он ни появился, в течение пяти минут заговорит со всеми. Он осмотрелся, заметил кресло напротив Адриана, обрадовался ему, как старому знакомому, и направился к нему.

— Не помешаю?

— Прошу.

Это было «прошу» определённого рода — то, которым люди, не желающие общаться, формально разрешают сесть рядом, рассчитывая, что собеседник догадается. Этот не догадывался.

— Первый рейс?

— Не первый.

— А мы с женой каждый год. Каждый год, представьте. Раньше «Вестрией» ходили, но «Вестрию» списали. Теперь только эта. У вас дети есть?

— Нет.

— А зря. Без них вот так и оказываешься на корабле с абонементом.

Он засмеялся собственной шутке. Адриан мельком, через его плечо, бросил взгляд на столик у окна.

Мира наблюдала за ним.

Точнее — на сцену. На лице у неё на секунду появилось что-то, чего Адриан не успел разглядеть: то ли сочувствие, то ли еле сдерживаемая усмешка. Скорее всего и то, и другое сразу. Она опустила взгляд раньше, чем он успел поймать его до конца. Но было уже поздно — он видел.

И тогда щёлкнуло. Не «можно говорить» — «можно встать».

Адриан закрыл папку и поднялся.

— Простите, — сказал он соседу. — Меня ждут.

— Конечно, конечно. На корабле всегда кого-нибудь надо

найти. Хорошего дня.

— И вам.

Он отошёл от кресла. Миновал шкаф — краем глаза отметил библиотечные «Письма» на месте, корешок ровно по линии, — прошёл мимо дивана с женщиной, мимо старика с газетой. Старик за всё это время не моргнул ни разу.

К её столику Адриан не сел. Сел за соседний — у того же окна, под другой зелёной лампой, чуть наискось от неё. Напротив было бы слишком: на корабле, где четыре дня делишь одни и те же залы, сесть напротив — это уже что-то значит. А наискось — это просто два человека у одного окна.

Он раскрыл папку и сделал вид, что читает расписание стоянок.

Через секунду он почувствовал, что она смотрит.

Не косо, не украдкой — спокойно, прямо, никуда не торопясь. Он обернулся.

— Вы давно ходите вдоль этих полок, — сказала Мира. — И ничего не взяли. Я уж решила, вы их пересчитываете по описи.

— По описи?

— Ну. Я подумала, может, вы тут работаете.

— Не работаю, — сказал Адриан.

— Жаль. — Она чуть наклонила голову. — Хоть бы кто-то здесь знал, где что стоит.

— А вы искали что-то конкретное?

— Я уже не ищу. Я смирилась.

Адриан коротко выдохнул через нос. Не смех — скорее принятое к сведению.

— У меня странное ощущение, — сказала Мира тем же ровным голосом, без улыбки, без подвоха, — что мы с вами уже виделись.

Адриан коротко подержал взгляд на её лице, ища там расставленные сети. Сетей не было.

— Не думаю, — сказал он.

— Не думаете.

— Я бы запомнил.

Это вырвалось само. «Я бы запомнил» — фраза была из работы, из тех, что он годами говорил женщинам, когда работал. Сейчас он не работал. И всё равно сказал — и сам это услышал.

Мира тихо засмеялась. Не громко — короткий выдох через нос, почти как у него секунду назад, только теплее.

— Странно, — сказала она. — А я вас как раз припоминаю.

— Откуда?

— Из терминала. Вчера, перед посадкой.

Адриан выдержал паузу — ровно такую, какая полагается человеку, который честно роется в памяти и ничего там не находит.

— Я был в терминале, — сказал он осторожно. — Но людей там было много. Я никого не запомнил.

— А меня трудно было не запомнить. Я сидела на полу и

собирала книги. Их у меня высыпалась целая стопка.

— И я, по-вашему, при этом присутствовал.

— Вы стояли в полушаге. Спиной ко мне. И говорили по телефону.

— Так мог стоять кто угодно.

— Мог, — согласилась Мира. — Но тот, кто стоял, ещё и задел мой чемодан. А потом извинился, не оборачиваясь.

Адриан помолчал.

— Если человек извинился, — сказал он наконец, — это, по-моему, говорит о нём скорее хорошо.

— Не оборачиваясь — это говорит о нём ровно наполовину.

— А вторая половина?

— А вторая половина ушла в дверь с табличкой «Priority».

Она сказала это без укора — просто, как договаривают факт до конца. И посмотрела на него: спокойно, с тем едва заметным любопытством, с каким смотрят не на пойманного, а на человека, которому дают возможность не выкручиваться.

Адриан эту возможность оценил.

— Допустим, — сказал он, — вторая половина действительно ушла в ту дверь. У второй половины был неприятный разговор по телефону и пять минут до конца посадки.

— Я так и подумала.

— Тогда вы подумали обо мне лучше, чем я заслуживал.

— Это было нетрудно, — сказала Мира. — Вы тогда по-

ставили планку довольно низко.

Адриан коротко рассмеялся — по-настоящему, одним выдохом, и сам удивился этому звуку. Он давно не смеялся не по работе.

И понял, что только что произошло нечто, чего он за собой не помнил уже несколько лет.

Его раскрутили. Не на признание — на смех. Не нажимая, не ловя в слове, не повышая голоса. Поднимали тему, держали её ровно, как держат стакан, и аккуратно ставили обратно, не пролив.

Он сам так умел. На этом он жил. Когда так умели с ним — это было ново.

— Я Мира, — сказала она негромко, не глядя на него. Так, как называют имя по бытовой надобности.

— Адриан.

— Очень приятно, Адриан.

Они посидели немного молча, оба глядя в окно. За стеклом тянулось серое утреннее море. Где-то по проходу прошёл стюард с подносом — судя по звуку, с чашками.

— Что читаете? — спросил он.

— Историю какого-то судостроительного завода в Северных морях.

— Сами выбрали?

— Нет. Она лежала тут открытая, когда я зашла. — Мира пожала плечами. — Подумала: грех бросать брошенное.

— Это профессиональное?

— Что — профессиональное?

— Не бросать брошенное.

Она взглянула на него с тем неброским интересом, который у людей вроде неё означает не «вы меня впечатлили», а «вы сказали слово, которое попало куда-то близко».

— Профессиональное, — сказала она, помедлив. — Откуда вы знаете?

— Угадал.

— Хороший угадыватель.

— Тренируюсь.

— На ком?

Адриан мельком улыбнулся.

— На себе. По утрам.

Она не уточнила. Кивнула — медленно, не подтверждая и не отрицая, — и опустила взгляд обратно в свою историю судостроительного завода. Не отгораживаясь. Просто давая знать, что разговор может продолжаться, а может и не продолжаться, и оба варианта её устраивают.

Адриан сидел за соседним столиком, под зелёной лампой, и слушал, как «Аделаида» где-то под ними низко и ровно идёт на север. Во внутреннем кармане пиджака лежала тонкая книга в тёмно-синем переплёте.

Он не отдал её.

Он сам не понимал, почему.

Глава 7

К ужину Тео был в форме.

Адриан понял это ещё в коридоре. Голос Тео опередил его самого — он шёл из каюты напротив, и Тео разговаривал не то по телефону, не то с зеркалом, не то просто вслух. На «Аделаиде» способов поговорить было больше, чем собеседников. Дверь открылась, и Тео вышел: светлый пиджак, верхняя пуговица расстёгнута, лицо человека, который хорошо поспал днём и теперь полон планов на вечер.

— Ты бледный, — сказал он Адриану вместо приветствия. — Ты весь день был бледный. Опять не ел?

— Ел.

— Где?

— Внизу. Кофе.

— Кофе — это не «поел». Кофе — это «решил поесть попозже». — Тео пошёл рядом, попадая шагом не сразу, как всегда. — Сегодня ты ешь. Я заказал столик в нормальной зоне. С официантом, с белой скатертью, со всем. Хватит прятаться по буфетам, как будто мы в бегах.

«Мы в бегах», — подумал Адриан, но вслух сказал только:

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Хорошо, поем.

Тео посмотрел на него подозрительно — он не доверял

лёгким победам, — но углубляться не стал. До лифта он успел рассказать про дневную партию в карты с двумя пенсионерами из Лизама, в которой проиграл немного денег и, по его словам, выиграл «всё остальное».

* * *

«Зелёный зал» занимал почти всю третью палубу и делился надвое.

Адриан понял устройство сразу, едва они вошли. Большая часть — общий зал: длинные ряды столов, светлые скатерти, гул из голосов, звяканья приборов и музыки, которую играл живой квартет в углу. Играл хорошо и совершенно зря — его никто не слушал. Ближе ко входу, отделённая не стеной, а перепадом в две ступени и низкой стеклянной перегородкой, была вторая зона. Поменьше. Потише. Столики на двоих и четверых, расставленные просторно. Бизнес-зона — так это называл метрдотель, провожая их к месту.

В перегородке был проём. Широкий, без двери, просто разрыв в стекле, через который официанты носили подносы. И стоял он так, что от их столика приходился прямо по линии взгляда: подними глаза от тарелки — и видно кусок общего зала. Три-четыре стола, край сцены с квартетом, спины проходящих людей.

Адриан сел так, чтобы проём был сбоку. Привычка. Лицом к двери садятся те, кто чего-то ждёт, а ждущее лицо читается. Спиной — тоже нельзя. Только бок, всегда бок. Так видно достаточно — и не видно, что смотришь.

— Вино будешь? — спросил Тео, уже открывая карту. — Я буду. У них тут есть одно, с островов, я вчера пробовал в «Полярной», оно…

— Воды.

— Воды, — повторил Тео скорбно, будто Адриан сообщил о тяжёлой болезни. — Ну хоть бокал.

— Воды, Тео.

Тео заказал себе бутылку с островов, Адриану — воду, а обоим — что-то рыбное, не вникая в названия: названия в меню «Аделаиды» были длинные и художественные, а Тео ел не названия. Официант — молодой, с прямой спиной, не Сандро, другой — записал, кивнул и ушёл в проём, в гул.

— Так, — сказал Тео, устроившись. Он всегда говорил «так», когда переходил к главному. — Про Вальмер.

— Не за ужином.

— А когда? У нас два дня. Послезавтра сходим, через сутки у тебя встреча, а мы с тобой ни разу…

— Тео.

Адриан сказал это негромко. Он вообще говорил негромко — голос ниже, чем у Тео, и тише, и этого обычно хватало. Тео замолчал, поднял ладони — сдаюсь, — и налил себе вина.

— Ладно. Не за ужином. — Он отпил. Лицо на секунду стало мечтательным — то ли от вина, то ли от темы, которую пришлось отложить. — Знаешь, что я подумал? Когда всё это кончится. Когда мы своё возьмём. Я куплю в Вальмере

виноградник.

— Ты не отличишь виноградник от огорода.

— Найму того, кто отличит. — Тео сказал это без обиды, с готовым ответом, как говорят то, что повторяли много раз. — Я серьёзно. Маленький такой. С домом. Сидишь вечером, перед тобой лоза, солнце садится в эту лозу, и ты никому ничего не должен. Никаких терминалов. Никаких пятниц.

Адриан слушал вполуха. Эту мечту он слышал лет восемь — иногда это был виноградник, иногда бар у воды, иногда лодка — и давно перестал спорить. Тео и сам в неё до конца не верил; она была нужна ему не как план, а как комната, куда заходят, когда снаружи неуютно. У Тео эта комната была с лозой.

Куда заходил Адриан, он предпочитал не уточнять даже у себя.

Официант принёс хлеб. Тео взял сразу два куска.

И в эту минуту в проёме между залами что-то поменялось.

* * *

Адриан заметил это раньше, чем понял, что именно заметил.

В общем зале — как раз там, куда выходил проём, — прошло движение: метрдотель вёл к столу новых гостей. Трое. Адриан скользнул по ним взглядом, как скользят по любому движению в поле зрения, и взгляд должен был пойти дальше — к хлебу, к Тео, к воде.

Не пошёл.

Их рассаживали за стол на четверых, чуть в глубине, но угол был такой, будто его подобрали нарочно. Пожилой мужчина в светлой куртке, которую не снял и в зале, сел первым: лицом к окну, спиной к бизнес-зоне. Женщина в шарфе села рядом, что-то ему говоря, поправляя на столе приборы, которые и так лежали ровно. И третья.

Серая кофта. Та самая, домашняя, не на корабль. Под кофтой — льняное платье. Светлые волосы, забранные сегодня иначе, чем утром, не так гладко.

Мира.

Адриан опустил взгляд в тарелку, в которой ещё ничего не было, кроме хлебной крошки.

Это была не неожиданность. Он напомнил себе — спокойно, как напоминают расписание, — что неожиданностью это быть не может: четыреста пассажиров, два ресторана, четыре дня. Они уже виделись утром. Увидятся ещё. Корабль маленький, время на нём долгое.

Он не удивлялся. Он просто отметил, что сегодня сел правильно. Бок, а не напротив: чтобы посмотреть туда, надо повернуть голову, — а голову он поворачивать не стал. Он видел их краем зрения, размыто, и этого хватало. Хватало, чтобы знать, что они здесь, и не выдать, что смотришь.

— …и вот тогда, — говорил Тео, — я ему и сказал: дружище, в карты не играют лицом. В карты играют руками. А он лицом играл весь вечер. Весь. Я как в кино смотрел.

— М-м.

— Ты меня не слушаешь.

— Слушаю. Лицом и руками.

Тео посмотрел на него — потом, проследив за тем, куда Адриан старательно не смотрел, повернулся к проёму всем корпусом.

Этого Адриан не любил больше всего. Тео не умел смотреть незаметно. Его взгляд будто имел вес, и этот вес надо было донести до цели и там опустить.

— О, — сказал Тео.

— Ешь.

— Нет, ты погоди. — Тео не отводил глаз. — Вон та, в серой кофте. С родителями, видишь? Это же её я… — Он пощёлкал пальцами. — Нет. Не её. Но похожа. Симпатичная.

— Тео.

— Что «Тео»? Я просто смотрю. На корабле смотреть можно, за это денег не берут. — Он отвернулся ненадолго, для приличия, и тут же повернулся обратно. — Слушай, а родители — это хорошо или плохо? Никогда не мог решить. С одной стороны, сложно. С другой — если девушка едет с родителями, значит, нормальная. Ненормальные с родителями не ездят.

— Ты едешь со мной.

— Ты мне не родитель, — сказал Тео с достоинством. — Ты мне обуза.

Он засмеялся собственной шутке — громко, в голос, так

что за соседним столиком немолодая пара обернулась. Адриан коротко улыбнулся — ровно настолько, чтобы пара поняла: всё в порядке, мы тоже люди, — и она отвернулась обратно.

Принесли рыбу. Адриан был ей рад: пока на столе еда, у Тео заняты руки и хотя бы иногда — рот.

Минут десять всё было спокойно.

* * *

Спокойствие кончилось вместе с первой бутылкой.

Тео допил её незаметно для себя, как допивают вино, которое нравится, и к концу стал заметно ярче. Не пьянее — пьянел он медленно, — а ярче. Громче. Шире в жестах. Рассказал ещё одну историю, вспомнил, что не доел, снова отложил вилку, потому что история требовала обеих рук.

А потом посмотрел в проём — дольше, чем раньше, — и Адриан понял, что сейчас будет.

— Я отойду, — сказал Тео.

— Куда.

— По кораблю. Ноги размять. — Он уже вставал, заправляя пиджак, проводя ладонью по волосам — короткий смотр перед выходом, который проделывал всегда и думал, что незаметно. — Тут душно.

— Тут не душно.

— Душно, Адриан. Тебе всё «не душно». Ты бы и в трюме сказал «не душно».

Он пошёл. Не прямо к проёму — это было бы слишком

даже для Тео. Он двинулся вдоль края бизнес-зоны, как человек, разминающий ноги, спустился по двум ступеням в общий зал, прошёл мимо квартета, остановился послушать — постоял ровно столько, чтобы оказаться поблизости от стола Лансенов как бы по пути, — и вот он уже стоял там.

Адриан смотрел.

Теперь — открыто: Тео ушёл, напротив никого, и можно было повернуть голову к проёму, как поворачивают её, слушая музыку. Звука почти не доносилось — гул, расстояние, квартет. Сцена шла как немое кино в раме проёма, и Адриан читал её без слов, по тому, что умел читать лучше слов.

Тео стоял у стола вполоборота, развернувшись корпусом к Мире и слегка — спиной к её отцу. Ошибка. Адриан отметил её сразу: нельзя поворачиваться спиной к мужчине за столом, к которому ты подошёл. Но рядом с женщиной Тео переставал замечать остальных. Он улыбался — улыбку было видно даже отсюда, широкую и рабочую, но не фальшивую: у Тео рабочее всегда было ещё и искренним. Он что-то говорил, показывая рукой то ли на квартет, то ли на зал, то ли на весь корабль сразу. Жест был щедрый. Жест предлагал.

Мать смотрела на Тео снизу вверх — вежливо, ничего не обещая.

Отец не смотрел на Тео вообще. Уставился в свою тарелку, и спина у него была выпрямлена так, как выпрямляются не ради осанки, а от несогласия. Адриан знал такие спины. Спина человека, который решил, что не будет участвовать в

происходящем, — и участвует в нём именно этим.

А Мира подняла на Тео глаза.

Адриан ждал, что она сделает то, что делают в таких случаях: вежливо отвернётся, найдёт что-то в тарелке, переадресует Тео матери. Самый тихий ход, наименее затратный. Так уходят от навязчивого человека хорошо воспитанные люди.

Она сделала не так. Посмотрела на Тео прямо — без испуга и без кокетства — и что-то сказала. Коротко. Адриан не слышал, но видел, как это легло: Тео на секунду замер. Не обиженно. Так замирает человек, который вёл мяч и обнаружил, что его аккуратно, без грубости, остановили.

Потом Тео засмеялся.

Это Адриан расслышал — смех Тео доходил через любой гул, он был как маяк. И в смехе не было ни злости, ни уязвлённости. Так смеётся человек, которому отказали, — и который понял, что сделали это хорошо. Это Адриан тоже отметил, и слегка удивился.

Тео ещё что-то сказал — теперь уже всем троим, что-то отходное. Сделал полупоклон, нелепо придворный для зала с квартетом, и пошёл обратно. По дороге опять задержался у музыкантов — для симметрии, чтобы выход выглядел частью прогулки, а не отступлением.

Адриан перевёл взгляд в свою тарелку за секунду до того, как Тео поднялся по ступеням в бизнес-зону.

* * *

— Ну вот, — сказал Тео, садясь. Он налил себе из второй бутылки, которую официант принёс, пока его не было. — Размял ноги.

— И как ноги.

— Ноги отлично. — Тео отпил, посмотрел в бокал, и Адриан увидел, что он решает, рассказывать или нет. Тео всегда рассказывал. Пауза была не выбором, а разбегом. — Подошёл там… поздоровался с людьми. С той, в кофте. И с родителями.

— Зачем.

— Затем, что я воспитанный человек, Адриан. Не могу смотреть, как люди едят в тишине, и не сказать им доброго слова. — Он произнёс это с таким убеждением, что почти можно было поверить. — Сказал отцу, что у него прекрасная дочь, прекрасная жена и что сам он в молодости наверняка был человек опасный. Отец посмотрел на меня… — Тео поискал слово, — …как на сквозняк. А дочку я потом позвал спуститься в «Полярную». На бокал. По-человечески.

— И.

— И она не пойдёт. — Тео сказал это легко, без тяжести, отрезая кусок рыбы. — Сказала… как она сказала. — Он поднял вилку, припоминая дословно: хорошие формулировки Тео ценил независимо от того, в чей огород они летели. — Сказала: «Спасибо, но я в этом рейсе плохая компания. Я еду молчать».

Адриан перестал жевать.

— Так и сказала?

— Так и сказала. «Я еду молчать». — Тео покачал головой, не то восхищённо, не то озадаченно. — Слушай, я не понял, обидела она меня или нет. Честно. По форме — нет, всё мягко, она даже улыбнулась. А по сути… — Он пожал плечами. — По сути меня вежливо попросили не занимать место.

— Тебя и попросили не занимать место.

— Да. — Тео не стал спорить. С прямым, спокойно сказанным фактом он не воевал — воевал только с тем, что считал несправедливым. — Но красиво. Я даже не злюсь. Знаешь, бывает, откажут — и хочется доказать. А тут не хочется. Тут хочется отойти и не мешать. Странная она.

— Странная.

— Да. — Тео потянулся за хлебом, и тема для него на этом закрылась. Он уже смотрел в сторону квартета, прикидывая, не подойти ли потом поближе — не из-за музыки, а потому что у второй скрипки было, по его словам, «лицо как у моей первой жены, только добрее». — Ладно. Не моё. На корабле полно других людей.

Он переключился. Это он умел — переключаться. Через минуту он уже рассказывал про вторую скрипку, и про первую жену, и про то, как они познакомились; история была длинная и наполовину выдуманная, и Адриан её не слушал.

Адриан смотрел в проём.

За столом Лансенов всё вернулось к прежнему. Отец что-

то говорил — коротко, не поднимая головы, и по лицу было видно, что говорит он не о Тео, а о чём-то своём, давнем, для чего Тео был только поводом. Мать слушала мужа и одновременно следила за дочерью — тем долгим боковым взглядом, каким матери проверяют, всё ли в порядке. Проверяют, не спрашивая.

А Мира смотрела в окно.

За окном было то же, что всюду на «Аделаиде» по вечерам: тёмная вода, тёмное небо, узкая полоса заката, дотлевающая на стыке. Она глядела туда — не пряча лица и не показывая его, просто отвернувшись к стеклу так, как отворачиваются люди, которым нужно несколько секунд побыть не за столом, а где-то ещё.

«Я еду молчать».

Адриан повторил это про себя. Фраза была хорошая — у него был профессиональный слух на фразы. Хорошая, потому что закрывала тему, никого не унизив. Тео ушёл не оскорблённым. Родители не вмешались. Никто не повысил голос. Три слова — и человека мягко отвели на расстояние.

Он сам так умел. Отводить людей, не делая им больно, — одно из первых умений в его работе и одно из самых ценных. Только он отводил, чтобы что-то скрыть.

А она сказала правду. Коротко, законченно, без второго дна. «Я еду молчать» — это было не прикрытие, а описание. Ей не пришлось ничего изобретать.

Адриан давно не говорил людям правду затем, чтобы они

отошли. Он и забыл, что так можно.

Он смотрел на её отвёрнутый к стеклу профиль и чувствовал то, что не любил называть, — лёгкое, тянущее, как тянет недоделанное дело. Что-то лежало у него не на своём месте.

Потом он понял, что именно.

Книга.

Он не взял её на ужин — оставил в каюте, на столе, под расписанием стоянок, корешком вниз. Тонкая, тёмно-синяя. С чужим карандашом на полях. Утро, библиотека, зелёная лампа — всё это сегодня уже было, и за всё это время книга так и не перешла из его кармана в её руки. Момент не сложился. Точнее, Адриан не дал ему сложиться: нашёл доводы, по одному, аккуратно — как всегда находил доводы в ту сторону, куда ему было удобно идти.

Удобно было оставить книгу у себя. Пока книга у него — есть повод. А повод в его работе держат при себе до последнего.

Мысль была правильная. Профессиональная. И впервые она ему не понравилась.

Потому что книга была не повод. Книга была её. Кто-то прошёл по этим полям карандашом — не он и, Адриан чувствовал это всё яснее, не она сама, кто-то третий, чьей рукой он не имел права распоряжаться. Он держал у себя чужую вещь и прикидывал, когда её удобнее вернуть. Как держат не вещь, а карту.

Тео что-то спросил. Адриан ответил — что-то, что подо-

шло, не глядя.

За окном дотлела последняя полоса заката. Стекло стало зеркалом: теперь в нём отражался зал, лампы, спины — и где-то там, маленькая и перевёрнутая, бизнес-зона. Может быть, и он сам.

Мира отвернулась от стекла к родителям. Что-то сказала матери — и мать на секунду накрыла её руку своей.

Адриан отвёл взгляд.

Он доел рыбу, которую больше не чувствовал на вкус, выслушал у Тео конец истории про вторую скрипку и согласился, что да, корабль большой и людей на нём много. Снаружи он был спокоен. Внутри — почти. Только одна мысль стояла теперь ровно и не уходила, как стоит уже принятое решение — ещё до того, как ты признался себе, что его принял.

Завтра он отдаст ей книгу.

Не при случае. Не когда сложится. Завтра.

Глава 8

После ужина Тео ушёл в «Полярную».

Он позвал и Адриана — без особой надежды, для профор-мы, как зовут, чтобы потом сказать «я звал». Адриан отка-зался, и Тео не стал настаивать: на вечер у него были вторая скрипка, недопитая бутылка и весь корабль, и в этот список Адриан со стаканом воды плохо вписывался. Они разошлись у лифта. Тео поехал вверх, Адриан — к себе.

В каюте он не стал зажигать верхний свет. Сел на край кровати, в полумраке, и какое-то время сидел просто так.

Книга лежала на столе. Там же, где он её оставил, — под расписанием стоянок, корешком вниз. Тёмно-синий пере-плёт в свете иллюминатора был почти чёрным.

«Завтра», — сказал он себе ещё вчера. Сказал твёрдо, как говорят о решённом.

Теперь это «завтра» наступило — и Адриан снова его ото-двигал. Не вслух, не споря с собой: он давно заметил, что спор с собой слишком хорошо слышен. Он отодвигал телом. Сидел и не вставал, смотрел на книгу и не брал её, находил себе дело, не делая ничего.

Это он за собой знал. Так оттягивают не трудное дело, а простое — то, после которого что-то изменится, и непонят-но, в какую сторону.

Адриан встал. Взял книгу со стола — она легла в ладонь

привычно, лёгкая, он уже знал её вес наизусть, — и положил во внутренний карман пиджака. Не «чтобы отдать». Чтобы хотя бы носить с собой, а не делать вид, что её нет.

В каюте было душно. Это он мог себе признать — здесь, без Тео, который бы тут же объявил победу. Душно. Надо было выйти на воздух.

* * *

Коридор пятой палубы в этот час стоял пустой.

Бра вдоль стен горели вполнакала — корабль на ночь приглушал свет, и красноватый ковёр в полумраке делался темнее, гуще, как остывающий уголь. Где-то далеко, у лифта, работал телевизор за чьей-то дверью — невнятный говор без слов. Адриан пошёл к лифту, ступая по ковру неслышно.

У поворота, в семи дверях от его собственной, стоял человек.

Адриан узнал его прежде, чем разглядел. Узнал по плечам — по тому, как они висели: опущенные, без напряжения, плечи человека, который давно никуда не торопится и не ждёт от вечера ничего хорошего. Пожилой. Седой висок. Плохо сидящий пиджак — даже сейчас, на ночь глядя, застёгнутый.

Тот самый. Из коридора вчера. Из коридора сегодня утром.

Он стоял у своей двери и возился с ключ-картой — вставлял, вынимал, вставлял снова, как возятся с замком, который капризничает. Лица он не поднял. Когда Адриан проходил

мимо, человек как раз наклонился ближе к скважине, будто хотел разглядеть её в полумраке, и Адриан увидел только седой висок и краешек уха.

«Трижды», — отметил Адриан.

Он шёл дальше, не сбавляя шага, ровно, как идёт человек, которому просто нужен лифт. Но внутри что-то коротко напряглось — не тревога ещё, а её первый признак, лёгкий, как сквозняк под дверью.

Три раза в одном коридоре. Утром он сам себе сказал: три раза будет фактом. Вот они, три.

И всё-таки факт не складывался до конца. Адриан попробовал собрать его на ходу, у лифта, нажимая кнопку, — и не смог. Человек был никакой. Вот в чём была заминка. Не молодой и не крепкий, не цепкий, не из тех, кого посылают следить. Усталый пожилой пассажир, который ездит этим кораблём, потому что куда-то надо ехать. Возится с замком. Читает расписание на стене. Селеста таких выпускала тысячами — мужчин на исходе пути, в выглаженных дешёвых пиджаках, едущих к родне, или от родни, или просто едущих.

И всё же лицо.

Лицо что-то задевало. Не имя — имени не было, — а само лицо, его покрой: длинное, с тяжёлыми веками, с этой седой прядью у виска. Адриан как будто уже видел его — не на корабле, раньше, в другом месте, в другом свете. Где — не вспоминалось. Память подавала лицо и не подавала к нему ничего: ни города, ни года, ни повода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.